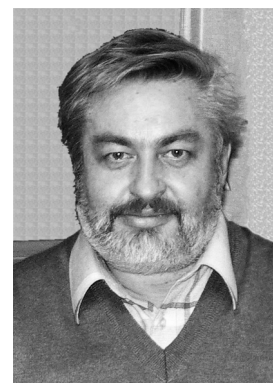




Переправа через Стикс (илл. к «Божественной комедии» Данте»). Фрагмент.
Художник Гюстав Доре. 1860-е гг.

УДК 115:159.922/937/95



Штемберг А.С.

Человек и время: апология вчерашнего дня

Штемберг Андрей Сергеевич, доктор биологических наук, заведующий отделом экспериментальной биологии и медицины Государственного научного центра РФ – Института медико-биологических проблем Российской академии наук.

E-mail: andrei_shtemberg@mail.ru

Статья посвящена отдельным аспектам субъективного восприятия времени и представляет собой авторский взгляд на роль памяти в формировании личности, а также на ощущение трагичности жизни, исходящее из необратимости времени и непримиримого противоречия между ее конечностью в реальности и бесконечностью в сознании.

Ключевые слова: время, память, сознание, прошлое, настоящее, будущее, движение, ощущение, смерть, жизнь, инволюция, эволюция, духовная сущность.

Мы никогда не живем настоящим, все только предвкушаем будущее и торопим его, словно оно опаздывает, или призываем прошлое и стараемся его вернуть, словно оно ушло слишком рано.

Блез Паскаль

В своей сказочной повести «Шел по городу волшебник» Юрий Томин самого отрицательного персонажа – олицетворение таких неприятных свойств человеческого характера, как лень, жадность и зависть, – поселил *во вчерашнем дне*, совершенно очевидно имея в виду, что этим качествам место в прошлом, которое пусть себе остается средоточием всего плохого, а в прекрасное будущее мы их не возьмем. Вообще выражение «вчерашний день» имеет в нашей речи пренебрежительно-отрицательный смысл. «Это вчерашний день», – говорят об устаревшей вещи. «Он живет вчерашним днем» – о ретрограде, человеке отсталых или консервативных взглядов.

Однако какое огромное и значимое место этот самый вчерашний день, иными словами, наше прошлое занимает в нашей жизни, и какую большую и трагическую роль оно в ней играет. Попробуем системати-

зирать представления об этом в более или менее законченную форму.

Печаль и бессмыслица человеческой жизни – как эмоционального восприятия, отражения и преломления окружающего мира внутри себя – заключаются в том, что вектор этого восприятия неизбежно обращен только в прошлое, и удлинение этого вектора по мере накопления груза лет умножает печаль.

На первый взгляд, ткань нашей внутренней жизни состоит из памяти о прошлом – переживания, осмысления и переосмысления опыта с одной стороны, и предвкушения, проецирования, конструирования возможного будущего с другой. Но ведь единственным материалом, из которого могут строиться эти конструкции, тоже может служить только прошлое. Чужой опыт? Но и преломление чужого опыта в нашем сознании – тоже ткань нашего прошлого. К тому же практическое использование опыта – своего ли, чужого ли – неизбежно ведет к ошибкам, поскольку ни одна ситуация в жизни не повторяется. «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». В сущности, для человека реально не существует ничего, кроме прошлого, ибо он сам, основа его личности – это его прошлое. И разница в возрасте – лишь разница в масштабах, размерах опыта, иными словами, уже накопленного, имеющегося за плечами и еще не наступившего прошлого.

Поэтому такое огромное значение имеет память, без которой жизнь вообще невозможна. В том или ином виде память есть у всех форм жизни, даже у простейших, и уровень организации жизни в значительной мере определяется сложностью и объемом памяти. Можно даже предположить, что именно из возрастающего в процессе эволюции объема памяти как необходимое следствие вытекало усложнение ее структуры, а из нее, в свою очередь, способность к анализу хранящейся в этой сложной многоуровневой иерархической структуре памяти информации. Что и является одной из основных отличительных черт сознания. А что такое хранящаяся в долгосрочной памяти информация? Это прошлое, проанализированный и синтезированный («концентрированный») опыт, как интеллектуальный, так и эмоциональный. Что, преломленное в призме врожденных индивидуальных черт, и составляет основу человеческой личности.

Вероятно, именно с этим связана свойственная человеческой памяти и знакомая каждому из нас идеализация нашего индивидуального прошлого. Наверное, каждый хоть иногда ловил себя на примечательной мысли – все самое лучшее у него в прошлом, причем чем дальше он продвигается в своей памяти в глубь времени, тем более приятной, безмятежной и счастливой представляется ему тогдaшняя жизнь.

Видимо, с этим же связан и не объяснимый никакими прагматическими соображениями, неослабевающий интерес к историческому прошлому, в том числе к очень далекому, прошлому стран и народов, настолько отличающихся от нас, что, казалось бы, ни извлечь какие бы то ни было практические уроки из их опыта, ни даже вполне понять их невозможно. Ведь это не наше прошлое, являющееся частью нас. Почему же мы столь глубоко переживаем драмы людей, которых уже много веков не существует? Наверное, потому, что подсознательно ощущаем причастность нашего прошлого, индивидуального опыта, к историческому опыту, прошлому всего человечества. И исчезновение этих народов, утрата их исторического опыта в чем-то обеднила и нас.

Можно возразить, что переживание исторических драм, сколь бы далеки они от нас ни были, сродни сопереживанию персонажам художественной литературы, о которых уж точно известно, что они выдуманы и никогда не существовали в действительности. Это, конечно, так. Но ведь, сопереживая этим персонажам, неважно, существовавшим в действительности или выдуманным, мы в первую очередь соотносим их мысли и чувства, боли и радости со своими. Мы моделируем свои мысли и чувства в описываемых ситуациях. А это возможно только на основе имеющегося у нас интеллектуального и эмоционального опыта. Мы уходим в свой внутренний мир, воздвигнутый на фундаменте прошлого, и проживаем в нем множество жизней, модифицируя в воображении свою реальную прошлую жизнь и порой самым фантастическим образом переплетая собственные переживания с переживаниями вымышленных героев.

С другой стороны, память – также основа и причина страданий (разумеется, не физических, а душевных, нравственных). А.Швейцер весьма остроумно заметил, что счастье – это хорошее здоровье и плохая память. Именно в нашей эмоциональной, ассоциативной памяти коренится причина самой мучительной душевной боли, связанной с утратами, роковыми ошибками, поступками и событиями, о которых мы страстно хотели бы забыть. В исключительных случаях такая память, полностью завладевшая внутренним миром человека, может и убить его. В суицидологии есть такое понятие – психалгия – непереносимая душевная боль. По-видимому, люди, испытывающие ее, лишены защитных психологических механизмов, рубцующих нравственные раны. Эти люди живут словно с содранной кожей, нервы их постоянно обнажены, им незнакомо милосердное обволакивающее, оупляющее, целебное действие забвения. Они видят и помнят все. Ярким примером такой личности, обладавшей тончайшей чувствительностью к человеческим страданиям, был В.М.Гаршин. Рано или поздно эти люди кончают с собой, предпочитая небытие мучительному существованию. А.Чехов откликнулся на самоубийство Гаршина рассказом «Припадок», в котором так охарактеризовал человека гаршинского склада: «Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант – *человеческий*. Он обладает тонким, великолепным чутьем к боли вообще».

Да, прошлое может стать и кошмаром, вызывающим желание избавиться от него навсегда. Увы, желание это всегда тщетно, ибо нам никуда не деться от нашего прошлого, так же как никуда не деться от самих себя – разве что избавиться от того и другого разом, уйдя в небытие.

С прошлым связан и странный недуг, именуемый ностальгией. Мне представляется сущей чепухой понимание ностальгии как тоски по родине. На самом деле ностальгия всегда неразрывно связана с временем, а отнюдь не с пространством.

Ностальгия – это тоска по своему прошлому, по своей молодости, по себе самому, тому, которого уже нет, и для которого восприятие жизни тогда было ярче, ощущения насыщеннее и острее, чувства свежее и чище. Это ощущение уходящей жизни, ее неповторимости и необратимости.

Наверное, поэтому она особенно остро ощущается в какие-то переломные периоды, когда заканчивается один отрезок жизни и начинается другой. Уходящие детство, юность, молодость. А представления о тоске по родным местам, вероятно, возникли из того, что такие переломные моменты весьма часто связаны с пространственными перемещениями. На самом же деле место лишь служит раздражителем и возбуждает ностальгическую тоску только потому, что в воспоминаниях связано с прошлым. Поэтому и возвращение в родные места через много лет, как правило, приносит жестокое разочарование. Оно отнюдь не утоляет ностальгическую тоску, а лишь обостряет ее.

Настоящее – это мираж, иллюзия, ибо оно мгновенно превращается в прошлое. Его можно сравнить с элементарными частицами, не имеющими массы покоя, – они существуют только в движении. Неумовимость, текучесть настоящего обусловлена тем, что именно оно в жестокой реальности демонстрирует нам свойства времени. Да, собственно говоря, ощущение настоящего – это и есть ощущение времени. То, что мы привычно считаем настоящим – это коктейль из ближайшего прошлого, память о котором настолько свежа, что оно воспринимается как настоящее, и ближайшего будущего, которое, в силу своей близости, как нам кажется, настолько предсказуемо, что тоже воспринимается нами как настоящее. Но это последнее – иллюзия. Иллюзия, кажущаяся более реальной, когда частота событий мала, и в большей степени осознаваемая таковой, когда события гуще. Тогда мы вспоминаем о принципиальной непредсказуемости будущего и субъективном восприятии времени. Прошлое же мало зависит от времени, по крайней мере, до тех пор, пока есть память. Оно живет в памяти, оно всегда с нами, в известной мере подвластно нам – мы можем возвращаться в него по своему желанию. Будущее существует в воображении, значительно более изменчивом и зыбком. Настоящее – призрачный мост между ними. Что же наиболее реально?

Возможно, характер человека и сущность восприятия им окружающего мира, взаимоотношений с ним во многом определяется тем, к чему – к прошлому или будущему он в большей степени обращен. Возможно, именно в этом коренное различие в отношении к миру созерцателей, мыслителей и деятелей. Анализируя исторический опыт, приходится признать, что первые воспринимали мир значительно более адекватно.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении и это разделение оказывается достаточно условным, потому что, как мы уже говорили, идеальные конструкции будущего тоже не из чего строить, кроме как из прошлого. Только одни люди это понимают, а другие нет. И из этих последних получаются идеалисты (в худшем смысле этого слова), которые громоздят химерические утопические конструкции будущего, как правило, в силу упомянутого непонимания, используя для этого самый негодный материал, а затем пытаются воплотить их в жизнь, что приводит к весьма неприятным последствиям как для них самих, так и для окружающих. Что же касается так называемых людей практических, живущих сегодняшним днем, то для них просто наиболее значимо ближайшее прошлое, коим и является на самом деле то, что мы именуем настоящим. В более отдаленное прошлое они стараются не углубляться.

Вероятно, существуют не только индивидуумы, но и целые общества, обращенные преимущественно к прошлому либо к будущему. Наверное, примерами консервативных, традиционалистских обществ, обращенных к прошлому, истокам и традициям, могут служить дореволюционная Россия, традиционное британское общество и, пожалуй, самый классический пример – Древний Китай, где ориентация на прошлое, признание его драгоценности было краеугольным камнем общественного сознания. Самый простой, примитивный, лобовой подход к этому вопросу: объявить, что обращенность к прошлому – это застой, а обращенность к будущему – прогресс. Однако общества, радикально обращенные к будущему, несравненно более опасны. Как правило, именно таковы тоталитарные государства, провозглашающие руководством к действию какую-либо единственно правильную и непременно оптимистическую утопическую идеологию, режимы, пытающиеся оправдать убогое настоящее светлым грядущим.

У Фазиля Искандера есть мысль о том, что неправильно моделируемое будущее гораздо опаснее, чем неправильно представляемое прошлое. А поскольку ошибки в конструировании будущего неизбежны, все те, кто безоглядно приносит ему в жертву прошлое, будь то индивидуум или общество, в конечном счете обречены на крах.

Радикальная устремленность в будущее предполагает отказ от прошлого и разрушение зыбущегося на нем настоящего во имя иллюзорного, мифического будущего. Тем самым она обрекает это последнее на закономерную катастрофу, ибо пытается построить его в пустоте, в то время как такое созидание возможно только на фундаменте прошлого. Все это весьма характерно как для упомянутых идеологизированных тоталитарных обществ в целом, так и для создававших их фанатиков в частности.

Однако и слишком длительная консервация, стагнация, застой тоже опасны, потому что именно они порождают свою диалектическую противоположность. Поэтому, разумеется, глупо и бессмысленно призывать к тому, чтобы остановиться и только взирать в прошлое, постоянно пережевывая его, как горько-сладкую жвачку. Если бы не было движения вперед, не было бы и самого прошлого. В данном случае речь идет лишь о необходимости крайне уважительного, внимательного и бережного отношения к нему как к единственной почве, по которой возможно любое движение. Тривиально цитировать Экклезиаста, но уже там все сказано. Предмет же наших скромных рассуждений – главным образом, ощущение трагизма человеческой жизни, происходящее из кричащего, невыносимого противоречия между ее необратимостью и конечностью в реальности и бесконечностью в сознании.

Будущее – лишь проекция еще не наступившего прошлого. Она может быть более или менее верной или ошибочной, но никогда – абсолютно верной или совершенно ошибочной. Первое – в силу несовершенства разума, опирающегося на ограниченный опыт, второе – в силу определенной цикличности и стереотипности событий нашей жизни, которые опыт все же в состоянии учесть и оценить. Как и любая проекция, она искажает формы и пропорции предмета, давая в то же время общее представление о его очертаниях.

Бессилие иллюзорного настоящего и не существующего еще будущего перед прошлым, необратимость, непоправимость уже происшедшего, зыбущееся на однонаправленности, необратимости времени – фундамент

самого безнадежного отчаяния, наиболее явственного ощущения бессмысленности любых усилий. Это ощущение растет по мере накопления прошлого, становясь все более тяжким грузом непоправимости, невозможности что-либо изменить или вернуть. У Юрия Трифонова есть очень точная фраза: «Жизнь состоит из непоправимостей».

Наверное, каждому знакомо шемающее до боли ощущение необратимости, непоправимости случившегося, возникающее сразу после каких-либо наших нечаянных промахов или оплошностей, обидных, грозящих серьезными последствиями или трагическими. Кажется – вот совсем немного, чуть-чуть, подвинуть время назад, ведь вот она – совсем рядом – ситуация, когда все еще можно было предотвратить, сделать по-другому, исправить... И отчаяние от невозможности вернуться в это прошлое, такое близкое, что воспринимается еще как настоящее; но от постоянно ускользающего настоящего, на исчезновение которого мы уже привыкли не обращать внимания, это отделено непоправимостью случившегося.

Именно в непоправимости, необратимости всего того, что мы, вольно или невольно, делаем в этой жизни, и заключается ее глубочайший трагизм. По мере накопления опыта он также усугубляется осознанием того, что и еще не наступившее прошлое (будущее), в сущности, тоже во многом предопределено, очерчено рамками той же колеи, именуемой нашим Я. Из границ самого себя не выпрыгнешь, а Я – это прошлое. То самое уже имеющееся, неизменяемое прошлое, определяющее неизменность последующего – и так до самого конца, до исчезновения времени.

А конец, исчезновение времени для индивидуума – это смерть. Самая непредставимая, непримиримо враждебная человеческому сознанию категория. Сознание принципиально не в состоянии ни вместить в себя, ни до конца осмыслить ее, поскольку смерть предполагает исчезновение самого сознания. Поэтому человек в принципе не в состоянии додумать о смерти до конца – здесь включаются естественные охранительные механизмы, переключающие сознание на что-то другое, ибо иначе это означает верное сумасшествие. Впрочем, и это тоже, вероятно, является своего рода последним предохранительным механизмом, спасающим индивидуума от физической гибели. Потому что последовательные мысли о смерти практически равноценны самой смерти и неизбежно к ней приведут. Так ожидающие казни смертники всеми фибрами души желают ускорения конца, поскольку ожидание, наполненное постоянными мыслями о смерти, абсолютно невыносимо, оно не оставляет места ни для чего другого. В сущности, то, что мы не знаем часа своей смерти, и вытекающая из этого дарованная нам природой (или Богом) способность до самого конца не слишком часто и глубоко задумываться над этим – величайшее благо, единственно дающее возможность жить и что-то делать в этой жизни. Наверное, поэтому большинство людей живут так, словно впереди у них вечность.

Любопытно, что несомнимость понятия о смерти с человеческим сознанием можно продемонстрировать и семантически, полной нелепостью расхожих выражений, связанных со смертью. Например, «трагически погиб». Как будто не любая гибель человека является трагедией и можно погибнуть как-нибудь иначе, скажем, комически. Или «безвременная смерть» – как будто чья-либо смерть может быть своевременной. Или «умер своей смертью» – словно можно умереть чужой.

Вероятно, нелепость этих выражений отражает нелепость, непостижимость, иррациональность самой смерти в человеческом сознании. Человеческий разум не в состоянии ни постичь ее, ни примириться с ней. Он ни на йоту не продвинулся в понимании этого столь всеобъемлющего, повсеместного и неотвратимого явления от того уровня, на котором пробуждающийся разум человекообразной обезьяны заставляет ее искать признаки жизни в погибшей матери или долго носить и прижимать к себе мертвого детеныша.

Видимо, язык очень точно отражает как под (или над?) сознательные озарения и прозрения, так и беспомощность человеческого разума перед непостижимыми для него понятиями.

Есть такая, уже достаточно избитая, формула: «Каждый человек – это Вселенная». Если говорить о временной динамике человеческой жизни, то можно расширить это сравнение, проведя аналогию с гипотезой пульсирующей (расширяющейся и вновь сужающейся) Вселенной. И Вселенная, и человеческая личность, индивидуальность (мы говорим именно об осознающей себя индивидуальности, а не о биологической особи) появляются из начальной точки – небытия. Большой взрыв – возникает новый мир – Вселенная (физический, объективный мир) или человек (мир духовный, субъективный). В этот же момент возникает и время, ибо в небытии времени нет. Далее, как и Вселенная, этот мир начинает расширяться – человеческая личность формируется, развивается, обогащается впечатлениями, знаниями, опытом, синтезирует их в собственное мировоззрение (субъективную модель мира). В какой-то момент этот процесс достигает апогея – время зрелости, расцвета сил и максимальной реализации интеллектуального и творческого потенциала – и затем начинается инволюция. Мир этот, как и Вселенная, начинает сужаться, сжиматься, деградировать, и в конце концов исчезает в конечной точке – том же небытии, из которого возник. Цикл завершается, человеческая личность возвращается к исходному. В сущности, старческую инволюцию личности вполне можно представить себе как процесс, обратный ее формированию и развитию. Недаром ведь дожившие до преклонного возраста старики, прошедшие весь этот естественный путь и умирающие именно от старости, а не от сопутствующих ей болезней, перед смертью «впадают в детство». Такие же трансформации совершает время – как в эволюции Вселенной, так и в эволюции духовного мира человеческой личности. Как в материальном мире Вселенной скорость течения времени может быть различна в разные периоды ее эволюции – оно может сжиматься или растягиваться, и даже, возможно, менять вектор, – так и в духовном мире человека субъективная скорость течения времени существенно меняется в разные периоды жизни. Время возникает в исходной точке, расширяется, снова сужается и, наконец, исчезает в точке конечной, которой является смерть.

Скорее всего, восприятие течения времени всегда субъективно. Оно зависит от возраста, душевного состояния и тысяч других факторов. Всем известно, что в наших ощущениях время может сильно замедлиться, почти остановиться, а может, наоборот, лететь стрелой. Мы завидуем долгожителям – людям и животным, и жалеем тех из них, чей век короток. Но откуда мы знаем, как они ощущают время? Может быть, для поденки отпущенные ей несколько дней – более долгая жизнь, чем столетний век черепахи или крокодила? И кем-то из людей девятинадцатая

жизнь воспринимается как краткое мгновение? Возможно, ощутить это может помочь двойственность осознания себя и времени во сне – сложные взаимоотношения сознания и подсознания, проблески сознания в толще освобожденного бессознательного. Чувствуешь, что это ты, и одновременно вроде бы и не совсем ты. Как будто ощущаешь, мыслишь, действуешь сам и в то же время словно отчасти смотришь на себя со стороны. Время же во сне течет и вовсе произвольно – за несколько часов можно прожить целую жизнь (или даже несколько).

Есть люди, жизнь которых являет собой яркий пример относительности, условности субъективного восприятия времени. В человеческой жизни оно тоже может чрезвычайно растягиваться, превращаясь в газообразное, редкое событием и делами, либо, наоборот, сжиматься в невероятно плотную ткань, до предела насыщенную событиями и делами. Эти люди умудряются за два-три десятка лет прожить совершенно полноценную, яркую и насыщенную жизнь, на которую иным не хватает и восьмидесяти. Например, Вильгельм Гауф, проживший всего двадцать пять лет, за этот срок успел сделать практически все, что составляет содержание долгой и насыщенной человеческой жизни. Он окончил университет, женился, много путешествовал, редактировал литературный журнал, написал не только свои бессмертные сказки, но и несколько романов, множество стихов, новелл и эссе, и даже мемуары. Трудно представить, что все его произведения были созданы менее чем за три года.

В сущности, в чем вообще состоит временная динамика нашей непритязательной жизни? В начале жизни все вещи, составляющие ее содержание, в основном приходят к нам, заполняя первоначальную пустоту. Примерно к середине жизни, как правило, приобретения и потери приходят в состояние некоего динамического равновесия – это время, когда жизнь человека наиболее интенсивна и насыщена. И, наконец, наступает период, когда мы в основном только теряем. Люди, вещи, впечатления, составляющие содержание и самую суть нашей жизни, уходят все быстрее, а приобретения редки и случайны. Все больше разрастается пустота. Правда, высшее милосердие здесь, вероятно, проявляется в том, что течение времени в этот период ускоряется чрезвычайно. Время как бы постоянно разгоняется по мере прохождения жизненного цикла и, по мере приближения к конечной точке – моменту своего исчезновения – ощущение времени заметно притупляется (как при езде на автомобиле, разогнавшись, в какой-то момент перестаешь ощущать скорость).

Иными словами, время из доброго Деда Мороза, дарящего нам этот мир со всеми его радостями и впечатлениями, предвкушением и ожиданием счастья в начале жизни, затем превращается в неумолимого и безжалостного убийцу, который постепенно отбирает обратно сначала все эти дары, а в конце концов и последний из них – саму нашу жизнь.

Ребенок до поры до времени не разделяет в своем сознании себя и окружающий мир, не отделяет свое Я от всего сущего в нем. Но в какой-то момент это происходит.

Не берусь распространять на других и обобщать свой личный опыт, но у меня этот момент отчетливо врезался в память на всю жизнь. Мне было лет десять. Был чудесный летний солнечный день, я был на даче, рядом возился мой маленький брат, впереди были долгие каникулы и жизнь была прекрасна. И вдруг я с пронзительной ясностью ощутил, что я – это нечто отдельное от этого огромного прекрасного мира, я – это не родители, не маленький брат, играющий в траве, не это солнце, цветы, сад, я – это только я, совсем другое, беспомощное существо, не то чтобы противопоставленное этому миру, но являющееся совершенно незначительной и необязательной его частью. И оно, это существо, не вечно. Наступит время, когда весь этот мир останется, а меня не будет. Я не могу описать того леденящего ужаса, который охватил меня при этой мысли. И после этого мысль о смерти и вызываемое ею ощущение беспросветного отчаяния посещали меня в детстве многократно. Так что даже на детство, эту самую безмятежную и безоблачную пору нашей жизни, в какое-то мгновение падает черная тень трагического осознания необратимости времени, влекущего нас к концу. И с этого мгновения мы живем под его дамокловым мечом. Конечно, большую часть времени мы о нем не помним, временами вспоминаем и мучительно стараемся забыть, не думать, но это постоянно гнездится где-то в подсознании.

Интересно, что, чем старше я становлюсь, чем ближе подхожу к неотвратимому концу, тем спокойнее к этому отношусь. Мысли о смерти теперь вызывают у меня тихую грусть или глухую тоску, но такого пронзительного, рвущего душу отчаяния и ужаса, как в детстве, я больше не испытывал никогда. Почему так? Не знаю. Возможно, притупление остроты детских ощущений. Возможно, это запрограммировано в нас как щадящая подготовка к концу.

Мне кажется, здесь мы и подошли к разгадке того, почему же мы так цепляемся за прошлое, почему оно имеет для нас такое огромное и все возрастающее с возрастом значение. Дело в том, что, если вдуматься, именно время – главный источник трагизма нашей жизни. Смерть – непрменный атрибут времени. Ощущение времени, представление о нем самым тесным образом переплетается с ощущением неизбежности смерти. Настоящее и будущее, неразрывно связанные с этим ощущением, неуклонно и неотвратимо ведут нас к концу, тем быстрее приближаясь к нему, чем дальше мы продвигаемся в толщу лет. Поэтому мы и стараемся спрятаться от неумолимого времени в прошлом – единственном, что привлекает нас к этому миру (укрыться во вчерашнем дне, как в сказке, с которой я начал свои рассуждения).

Поэтому и все представления о бессмертии связаны со стремлением и поисками возможности вырваться из оков времени. Есть одна итальянская сказка о Грантэсте – человеке, искавшем бессмертия. После долгих поисков он попадает в долину бессмертия, где, казалось бы, остановилось время – ничто не меняется, вечно поют птицы, зеленеют деревья, никто не стареет и не умирает. Но раз в тысячу лет в долину прилетает дракон – посланец времени и уносит в пасти одну-единственную песчинку. Должны пройти миллионы лет, прежде чем он растащит по песчинке окружающие долину горы, и тогда долина исчезнет. И Грантэста уходит из долины продолжать поиски бессмертия, ибо замедление времени – лишь отсрочка смерти.

Но остановить время – значит остановить движение, а это принципиально невозможно в этом мире, ибо движение, постоянное изменение является его основным атрибутом и законом. В другой сказке – «Снежной королеве» Х.К.Андерсена Кай никак не может сложить из льдинок слова «вечность». И лишь с появлением Герды – живого, теплого, подвижного начала – льдинки складываются в это слово сами. Мысль ясна – вечность в этом мире не может быть застывшей, неподвижной, неизменной. Мир наш существует лишь в движении.

Принципиальная невозможность освободиться в этом мире от оков, гнета, неизбывной трагичности довлеющего над нами времени порождает представления о возможности ухода по окончании отпущенного нам срока в мир иной, в котором это может быть достижимо.

Что же ждет нас за пределами отпущенного нам времени? Есть ли надежда увидеть хоть какие-то проблески в беспросветном трагизме необратимости и конечности нашей жизни?

В сущности, ответ на гамлетовский вопрос: «Что в этом смертном сне приснится, когда покров земного чувства снят?» известен каждому, хотя нам очень не хочется себе в этом признаваться. Принято говорить: «оттуда никто не возвращался». Верно, но ведь все мы оттуда пришли. Что будет после смерти? Да ровно то же, что было до рождения. Можно, конечно, предположить, что духовное начало человеческой личности не сохраняет памяти о предсуществовании (если оно есть). Но тогда логично предположить, что и в послесуществовании не сохранится памяти о земном опыте. А если так, какая, в сущности, разница для этой личности – и то, и другое суть прекращение ее существования и начало жизни какой-то совершенно иной личности или духовной сущности, хотя, возможно, и связанной некой преемственностью с прежней. Тогда нет никакой принципиальной разницы между этой предполагаемой послежизненной души и продолжением нашего физического, соматического существования на Земле в детях – они тоже обеспечивают некую преемственность нашей личности, но ведь они, тем не менее, уже не мы.

Кстати, если уж предполагать продолжение существования духовной сущности человеческой личности в какой бы то ни было форме после смерти, никуда не деться и от предположения об аналогичном ее существовании и до рождения. Ибо странно было бы считать не имеющим конца то, что имеет начало. А тогда наиболее логична гипотеза реинкарнаций, если, конечно, абстрагироваться от присущих большинству оперирующих этим термином религий наивных представлений о конкретных формах воплощения духовного начала.

Вероятно, в любом случае гипотезы об иных, нетелесных, формах существования духовного начала человеческой личности должны быть неразрывно связаны с представлениями о многомерном пространстве-времени, и времени в первую очередь. Впрочем, скорее всего, в том мире обнаружится единство пространственных и временных измерений, они окажутся настолько тесно связанными и взаимопереходящими, что разделение этих понятий вообще утратит смысл.

Наверное, можно тешить себя тем, что гипотеза о переходе (или возвращении) нашей духовной субстанции после смерти в единый n -мерный мир дает ответ и на вопрос о том, в каком же виде эта наша духовная сущность может продолжить свое независимое от тела существование. Ведь в земной жизни она постоянно эволюционирует, трансформируется в прямой зависимости от эволюции своей физической оболочки. Личность, Я новорожденного, ребенка, подростка, зрелого, пожилого человека, наконец, впавшего в маразм старика – это совершенно разные духовные сущности одной и той же биологической особи. И если человек умирает в глубоком маразме или сойдя с ума, какая же его духовная сущность продолжает жить после смерти?

Но давайте пофантазируем. Как заманчиво было бы представить себе, что наша душа, вобравшая в себя весь опыт земной жизни, переносится в трудно представимый мир неограниченного количества временных измерений и способна там скользить по времени в любом направлении, проходя и переживая вновь любые фазы своего земного развития и развиваясь дальше. При этом, разумеется, из той, иной системы координат ей открываются совершенно иные глубины, высоты и дали, которые были сокрыты от нас в земной жизни. Слабой аналогией этого состояния, вероятно, может быть взгляд обитателя нашего трехмерного мира на мир плоский, двумерный. Возможность свободно перемещаться во многих временных измерениях исключает непоправимость, составляющие трагизм жизни земной. Одну и ту же жизнь можно прожить в бесконечном множестве вариантов. Наверное, именно так я бы и представил себе рай.

Но расширение степеней свободы движения во времени не означает освобождения от времени вообще. Есть представление о том, что вне времени существует только Бог. Вообразить это вневременное существование нашему разуму, ограниченному рамками понятий этого мира, видимо, невозможно. Но, вероятно, можно представить, что, переходя в иной мир и расширяя свои возможности перемещения во времени, человек приближается к Богу, никогда, однако, не достигая его.

К сожалению, мыслящему человеку, не выходя за пределы рационального мышления или вообще интеллектуальной сферы, чрезвычайно трудно поверить в концепцию бессмертия души, сохраняющей свою индивидуальность. Наверное, так же трудно, как и принять идею личного Бога.

Скорее всего, ближе к истине подошел А.Суинберн, когда написал:

Устав от вечных упований,
Устав от праздничных пиров,
Не зная страха и желаний,
Благословляем мы богов
За то, что сердце в человеке
Не вечно будет трепетать,
За то, что все вольются реки
Когда-нибудь в морскую гладь.

Вероятно, логичнее предположить, что все наши индивидуальные духовные сущности являются не более чем частицами Единого Мирового Разума, или Духа, или, если угодно, Бога, которым и был поставлен этот эксперимент с земной жизнью, приведший к возникновению жизни разумной, сочетающей в себе материальное и

духовное начала. Оттуда они приходят и туда же возвращаются. Теряют ли они при этом свою индивидуальность – кто знает? Скорее всего, да. Возможно, индивидуальность присуща лишь земной жизни. Но очень хочется верить, что, вливаясь в этот грандиозный Духовный Океан после пройденного земного пути, они привносят в него свой крошечный индивидуальный духовный опыт, приобретенный в короткой земной жизни в страданиях, переживаниях, размышлениях и муках творчества, обеспечивая тем самым Его бесконечное духовное развитие. В таком свете и вселенский эксперимент с возникновением и развитием разумной жизни обретает понятный нам смысл. Вероятно, земное существование (или материальное воплощение) наших индивидуальных духовных сущностей можно уподобить работе бесчисленного множества своего рода специализированных рецепторов, каждый из которых выполняет свою роль в едином грандиозном мировом духовном организме.

Очень близко к такому восприятию мира было мировоззрение древних китайцев – философия Дао, проникнутая ощущением Единого, где небытие – не «ничто», а инобытие мира, откуда приходят и куда уходят, обретая покой, духовные сущности жизни. Для нас бытие, материальный мир – единственная реальность. Мы говорим о родившемся ребенке, что он «вошел в мир». Для древнего же китайца понятие «войти» означало «покинуть этот мир», ибо основой и началом являлось всепорождающее и всепоглощающее небытие. Человек лишь на короткий срок «выходил» в материальный мир, а затем «входил» обратно в небытие или инобытие, куда возвращалось все сущее.

В эту гипотезу укладывается и пришествие великих учителей человечества. Будда, Христос, Лао Цзы – такие же частицы Великого Единого Целого, как и все мы, но, в отличие от обычных людей, осознающие себя таковыми. Отчетливо ощущающие свою роль, миссию на Земле, а может быть, и больше того – знающие о ней. Если продолжить аналогию с организмом, то деятельность этих духовных титанов можно сравнить уже не просто с работой рецепторов или датчиков, распознающих и аккумулирующих духовный опыт, а с многозвенными аналитическими системами, действующими с обратной связью, синтезирующими и преобразующими этот духовный опыт и направляющими его в определенное русло.

Возникает вопрос: что же в человеческой личности определяет ее способность в какой-то мере приблизиться к пониманию своей роли в этом Миром Духовном Организме? Что может позволить нам хоть как-то смягчить ощущение трагизма необратимости довлеющего над нами времени и обрести хотя бы иллюзию некоторой независимости от него?

Думается, что свойство человеческого характера, создающее основу душевного равновесия, гармонии личности с самой собой и с окружающим миром можно обозначить как несуетность. Это – приобщенность к вечности. Это способность не соотноситься в своих жизненных установках с сиюминутными, преходящими, навязанными и, в сущности, вовсе не необходимыми, а зачастую и вредными для жизни условными ценностями, не устраивать из своей жизни постоянную гонку за ними. Это умение не ставить перед собой заведомо недостижимых (а, стало быть, скорее всего и не нужных нам) целей, а полностью использовать то, что у нас есть и пребудет с нами всегда.

Это умение проникнуть в суть вещей, увидеть в любом, самом ничтожном предмете отражение всей сложности и глубины мира (а может быть, наоборот, его божественной простоты). Иными словами, во всем видеть проявления Единого Мирового Духа (или промысла Божьего – кому как нравится).

Это умение ощущать единство мира и в то же время видеть множественность миров, окружающих нас. Умение отключиться от привычного, суетного, повседневного, связывающего нас по рукам и ногам, и взглянуть на него другими глазами. Звездное небо, река, лес, пруд, трава, даже пыльное пространство под шкафом – все это иные миры, совсем не похожие на тот, в котором мы постоянно крутимся.

Пожалуй, из всех существующих в мире религиозных и философских течений ближе всего к такому восприятию мира подошли суфии – древнейшее, самое неформальное, свободомыслящее и чуждое всяческого догматизма направление религиозно-философской мысли. «Быть в миру, но не от мира», – девиз суфия.

Независимость же наша от внешних обстоятельств определяется в первую очередь тем, насколько мы живем своим внутренним, а не внешним, суетным миром. Однако: абсолютная замкнутость в мире внутри себя – это душевная болезнь (аутизм); абсолютная жизнь только внешним миром – полная бездуховность, близкая к животному состоянию.

По-видимому, несуетность, духовность личности предполагает достаточно строгую селективность в восприятии внешнего мира и связанных с ним жизненных обстоятельств. Идеальная селективность – это способность вообще не замечать не значащих для тебя сторон этой жизни. По описанию С.Довлатова, такой способностью обладал И.Бродский – он не противостоял советской власти и навязанному ей образу жизни, а попросту не замечал их.

Скорее всего, приход в мир таких людей и их поведение в нем predeterminedены изначально заложенным в них подсознательным ощущением своего предназначения, то есть некими врожденными свойствами. Это достаточно ярко проявляется в раннем детстве. Уже и именно тогда отчетливо видна разница между ними и так называемыми людьми практически. Причем эта разница прослеживается в том числе (а, может быть, и в первую очередь?) в их восприятии времени и отношении к нему. Прагматики, практики, деятели жестко привязаны ко времени, всецело зависят от него. Суетность их жизни, ориентированной на сиюминутное, приводит к тому, что время для них летит стремлой, утекает сквозь пальцы, им его постоянно не хватает.

О таких людях говорят: «Наверное, они никогда не были детьми». К сожалению, это близко к истине. Эти люди лишены воображения, в детстве они очень рано утрачивают детскую непосредственность, живость, яркость и сочность восприятия окружающего мира. Соответственно, им не из чего формировать свой внутренний мир, кроме как из привнесенных стереотипов. Они не любят и не умеют играть. Ведь умение играть – это умение создавать свой собственный, воображаемый, волшебный мир, совершенно не похожий на реальный. Именно в этом, пожалуй, главная особенность внутренней жизни ребенка – способность постоянно создавать воображае-

мые, параллельные миры и жить в них значительно более настоящей, полной и насыщенной жизнью, нежели в мире реальном. Возможно, сохранение этой способности до зрелого возраста и определяет творческую личность.

Люди же, о которых мы говорим, напротив, очень рано усваивают правила игры реального, меркантильного, светного мира, начинают в них очень хорошо ориентироваться и, как правило, достигают в этом направлении достаточно больших успехов. Именно из них получают политики, бизнесмены, номенклатура, партфункционеры, словом, так называемые «деловые люди», которые определяют лицо этого материального мира и благодаря которым в этом мире не хочется жить. На всякий случай хочу здесь оговориться, чтобы не быть неправильно понятым: говоря о «деловых людях», я имею в виду не профессию или род занятий, а отношение к жизни и окружающему миру.

Вообще именно раннее детство можно рассматривать как модель гармоничного мира во временной динамике человеческой жизни. Разум ребенка (возможно, в известной степени на подсознательном уровне) уже позволяет осознавать мир, свое единство с ним, его огромность, новизну и неожиданность, но еще не сознает его противоречивости и расколотости. Разум еще не увел сознание по извилистому пути рационального мышления и анализа.

«Благослови зверей и детей». И у тех, и у других нет добра и зла. И те, и другие не в противоречии с этим миром. С этим связано и своеобразие восприятия времени в детстве. Можно сказать, что даже время снисходительно к детям. Оно обладает свойством чрезвычайно растягиваться в этот период. Оно позволяет детям обращаться с собой достаточно вольно. Ребенок может прожить целую огромную, насыщенную жизнь за неделю, за день, даже за час. Множественность детских миров позволяет им с легкостью уходить из мира реального в свои собственные, созданные, воображаемые миры. Или видеть другие миры внутри реального и жить в них. А в этих мирах и восприятие времени совершенно иное.

В детстве нет (или почти нет) трагического восприятия необратимости времени и неизменности прошлого. Младенец, не имеющий прошлого, не создает в своем смутном внутреннем мире пробуждающегося сознания и будущего. Формирование сознания – это осознание и осмысление прошлого – накопленных знаний, переживаний, иными словами, эмоционально окрашенного опыта. Прошлое же уже осознающего себя ребенка еще слишком коротко, оно воспринимается им как живая ткань его жизни. Он пока не разделяет прошлого, настоящего и будущего, они органически сливаются в его восприятии в ощущение радости бытия, огромности, таинственности и неисчерпаемости мира, сулящего все новые открытия.

Наверное, именно поэтому ностальгическая тоска по детству – самая щемящая тоска. Это тоска по утраченной гармонии, навсегда ушедшему безмятежному счастью единения с миром.

К сожалению, эти присущие детству способности, как правило, подавляет доминирующий рассудок, рациональное мышление. У одних очень рано, у других позднее, у третьих же эта способность продолжает жить до конца. Момент расставания с цельным, гармоничным миром, пережитый на собственном опыте, я описал выше.

Вероятно, многие творческие личности сознательно или подсознательно чувствовали это, но, пожалуй, наиболее точно выразил П.Пикассо, полагавший, что каждый ребенок – художник; трудность в том, чтобы остаться художником, выйдя из детского возраста.

Чем больше груз прожитых лет, чем обширнее сконцентрированный в памяти опыт, тем трагичнее и безнадежнее восприятие времени, ощущение уходящей жизни. Возможно, оперирующий этим грузом разум как бы вытесняет способность жить непосредственными впечатлениями, ощущениями, которые, может быть, и составляют основу надрационального восприятия мира. Это восприятие все больше контролируется рациональным мышлением, сверяется с концентрированным опытом, фильтруется, пропускаемое сквозь его призму. Может быть, как раз поэтому с годами время все больше съезживается и течет все быстрее.

Но люди, сохранившие на всю жизнь детскую способность к непосредственному, цельному восприятию мира, которое, наверное, и лежит в основе той самой несуетности, приобщенной к вечности духовности, возможно, вступают в совершенно иные отношения со временем. Когда-то А.Куприн определил самые верные отличительные черты гения двумя словами: вечность и всечеловечие. Вероятно, и время снисходительно к таким людям, как и к детям. По крайней мере, несопоставимость масштабов и временных рамок совершенного многими из них вполне позволяют предположить, что в какие-то периоды их жизни субъективное течение их времени подчинялось им.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахундов М.Д. Концепции пространства и время. Истоки, эволюция, перспективы. М.: Наука, 1982.
2. Вудроу Г. Восприятие времени // Экспериментальная психология. М.: Иностранная литература. Т. 2. 1963.
3. Головаха Е.И., Кроник А.А. Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анциферовой. М.: Наука, 1988.
4. Дьюмулен Г. История дзэн-буддизма. Индия и Китай. СПб.: Изд-во «Орис», «ЯНТА-ПРИНТ», 1994.
5. Жаров А.М. Восприятие времени, психическое настоящее и неопределенность // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем / Под ред. д.м.н. Н.И.Моисеевой. Л.: Наука, 1980.
6. История китайской философии. Пер. с кит. / Под общ. ред. М.Л.Титаренко. М.: Прогресс, 1989.
7. Ковалев В.И. Личностное время как предмет психологического исследования // Психология личности и время. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научно-теоретической конференции. Черновцы: ЧГУ, 1991. Т. 1.
8. Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история / А.Д.Кныш; пер. с англ. М.Г.Романов. СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2004.
9. Торчинов Е.А. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. 2-е изд., доп. СПб.: Лань, 1998
10. Шиммель А. Мир исламского мистицизма. Перевод с англ. М.: Алетейа, Энигма, 1999.
11. Элькин Д.Г. Восприятие времени. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962.
12. Эльконин Д.Б. Детская психология. М.: Учпедгиз, 1960.
13. Яковлев В.П. Социальное время. Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 1980.